

2207

НОВЫЕ
КНИГИ

● РЕЦЕНЗИИ

НОВЫЙ сборник стихов и песен поэта Михаила Пляцковского «Семиструнка» состоит из трех разделов — «Донецкие акации», «Именины снега» и «Молодость песней станет» (в последний раздел вошли широко известные стихи-песни). Речь пойдет о стихах, составивших два первых раздела. Вглядываясь, вчитаемся, вчувствуемся в то, что представил на наш суд автор «Семиструнки».

«Ты для меня всегда нова, моя Россия дорогая». Это — «вход» в сборник. И затем: «Откуда я родом? Оттуда, где светит над шахтой звезда»; «Глубинка... Слово-то какое! И сам в глубинке я рожден»; «Я — обыкновенный, довоенный, то есть я родился до войны»; «Война вручала людям похоронки»; «Я рос мальчишкой без отца...» и т. д.

Казалось бы, сколько написано слов о военном детстве, о безотцовщине, о мальчишеском труде! И надо обладать смелостью, если не дерзостью, чтобы лирически вторгнуться в привычное, давно открытое вместе с тобой входившими в поэзию сверстниками. Почему смелостью? Да потому, что надо в таком случае произнести именно свое слово о жизни, и не только своей.

М. Пляцковскому это удалось. И нашел он свое в общем для его поколения военном детстве, где его мальчишеская судьба была неотторжима от всего людского мира. Общее в его стихотворной структуре — всего лишь черты и приметы привычного, а свое — это те самые золотинки образности, которые несут в себе теплоту сердечности, именуемую искренностью чувства. Она-то и обеспечивает рифмованным строкам звание поэтических.

Я мог бы привести немало примеров этого «перехода» из рифмованности в поэтичность. Ограничусь всего лишь одним. Стихотворение «Глубинка» — своего рода «похвальное слово» поэта своей малой родине, где жили рабочие люди — шахтеры, металлурги, среди которых проходил он свои жизненные университеты. Но вот интересное движение слова-образа «глубинка», открывшего стихотворение. Обозначившись в своем периметре районным городком, «глубинка» вышла в ходе развития темы стихотворе-

СВОЯ

ГЛУБИНКА

Михаил Пляцковский. «Семиструнка». Стихи и песни. Издательство «Советская Россия». 1983. 88 стр. 35 коп.

ния в новую стадию своего смысла: «Ведь в глубине большой страны стоял наш городок районный». Глубинка как символ периферийного существования обернулась глубиной сопричастности городка подвигу всей страны, сердце которой — Москва. Это придает важность и значимость жизни людей и лирического героя, что зафиксировано новым пониманием «глубинки»: «Москва рассчитывать могла на нас — надежную глубинку!». В этом «на нас» проявлена причастность лирического двойника поэта к судьбе шахтеров и металлургов родного городка. Больше того — все это пропущено через душу моего сверстника, в котором я узнал себя, своих друзей по военному детству, работавших вместе со старшими на полях и на заводах, помогая Красной Армии крушить врага, и мечтавших о том, что после войны «наедемся хлеба до отвала и напьемся вдоволь молока!». Вот отчего стихи о военном детстве, о любви к жизни, к людям, к женщине стали еще одним документом времени.

К сожалению, не случилось это со стихами цикла «Именины снега». В них все называется, обозначается, но не переплавляется в исповедь. Лирический двойник автора уже не двойник, а либо прилетевший на самолете, либо приехавший наземным транспортом репортер, свидетель трудной и самоотверженной жизни полярников, строителей БАМа, оленеводов Чукотки. И потому стихи в большинстве своем воспринимаются как дневниковые записи случаев, эпизодов, воспоминаний. В них нет «глубинки» изведанного, испытанного, выстраданного, какой отмечены «Донецкие акации». Нет той искорки детства, той силы душевного тепла, которые переплавляют обычное, давно известное, много раз говоренное и услышанное в сокровенное, а потому истинно поэтическое. Здесь всего лишь название чувства.

Предпоследнее короткое стихотворение раздела — «Уже осталось где-то там, внизу, и свист пурги, и пурты, и каюры» (вот именно — «где-то там»!) — завершается так: «Что я везу? Полярное сиянье! Что я везу? Полярную звезду!». Прямо скажем, маловато! При всей планетарности, при всей космичности «багажа» поэта! Это все песенность, а не песня, семиструнка, а не глубинка. Именно в глубинке М. Пляцковского — кладь его поэтической искренности и истинности. Там его поэтическая завязь. Там все свое, как то и возможно у настоящей поэзии, имеющей непременно «постоянную прописку» в глубинке.

Борис ЛЕОНОВ

Лит. Россия, 1983, 7 окт.